

С Т Е Н О Г Р А М М А

парламентских слушаний на тему "Проблемы развития Нечерноземья и возрождение льноводства в Российской Федерации"

28 ноября 2019 года

Н.В. ФЁДОРОВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Рад приветствовать всех, кто принимает участие в сегодняшних парламентских слушаниях на тему "Проблемы развития Нечерноземья и возрождение льноводства в Российской Федерации". Приветствуем вас в верхней палате парламента Российской Федерации. Всем желаем хорошего настроения, полезного общения и вдохновения, поскольку тема, которую мы обсуждаем, и выставка, которая была организована и на которой продемонстрировали продукцию, – все это, по-моему, способствует тому, чтобы мы с оптимизмом и с желанием еще более вдохновенно трудились, каждый из нас на своей должности, на своем месте, с тем чтобы были результаты, на что нас ориентируют и Президент России, и Председатель Совета Федерации.

Я думаю, что будет вполне гармонично, сподручно и органично, если я сошлюсь на поручение Валентины Ивановны Матвиенко по докладу Виктора Петровича Иванова о развитии льноводства. Как раз ее поручение – провести парламентские слушания и собрать все заинтересованные субъекты Российской Федерации и специалистов в этой сфере, с тем чтобы все-таки дать дополнительные государственные импульсы, активизировать, усилить государственную политику в этой сфере.

И согласно тому выводу, к которому мы пришли в результате прошлой встречи на эту тему с участием всех профильных комитетов Совета Федерации, мы о льноводстве будем говорить в контексте развития Нечерноземья. Мы пришли к такому выводу, поскольку, напомню, в Нечерноземной зоне формально по программе развития Нечерноземья находились 32 субъекта Российской Федерации. Это достаточно большая территория, и эта зона очень благоприятна для производства, выращивания льна.

Я хотел бы обратить внимание на то, что возрождение традиций льноводства в Нечерноземье, можно сказать, колыбели России... Думаю, никто сильно возражать не будет, если мы посчитаем, что от Архангельска практически до Урала, до Вятки, до Удмуртии, включая очень многие русские области, национальные республики, — это те районы, те территории, где исторически льноводством занимались наши предки и, как нам сегодня и на выставке напомнили, поставляли продукцию из льна в Европу и ко двору английской королевы, английских королей, обеспечивали весь мировой спрос.

Но, увы, времена меняются, лидеры тоже меняются. Но наша задача — как раз скорректировать расположение стран в этой сфере таким образом, чтобы справедливость здесь была обеспечена. И необходимо, чтобы потенциал, который есть у Российской Федерации, у субъектов Российской Федерации (о чем мы будем сегодня говорить), был востребован за счет усиления (я уже здесь повторяюсь, хотя это, наверное, тот случай, когда молитва от повторения не тускнеет, а становится сильнее) мер государственной поддержки в этой сфере.

Напомню, что Нечерноземье имеет огромный аграрный потенциал. У нас в проекте рекомендаций парламентских слушаний

есть пункт (к нему тоже, наверное, в процессе обсуждения будем возвращаться) о том, что надо возродить программу развития Нечерноземья в той или иной форме (мы будем об этом говорить). И как-то надо договориться с Сергеем Львовичем и Министерством сельского хозяйства, поскольку это основное министерство в этой сфере.

Забегая вперед, я скажу: конечно, сразу, быстро, с ходу не получится, но, если (не хочется так говорить) долго мучиться, что-нибудь получится. Под лежащий камень вода не течет. И потом, есть исторические основания и острота проблемы, для того чтобы нам вернуться к этой программе — уже в новых условиях, не в буквальном смысле так, как это было раньше, в 70-х годах начиналось от Архангельской области и до, как я сказал, Волго-Вятского региона через Центральную Россию.

К началу 80-х годов благодаря программе развития Нечерноземья (у меня есть данные, я приведу их) в РСФСР производили половину урожая картофеля, треть мяса, шестую часть зерна, 40 процентов молока, яиц, треть сыра. Эти работы остановились автоматически в 90-х годах, в самом начале.

И проблема в том, что население Нечерноземья сократилось на 17 миллионов человек. Это очень большая потеря — люди.

Я уж не буду говорить о том, что в разы сократились поголовье крупного рогатого скота, площади обрабатываемых земель, обрабатываемых пашен. В шесть раз упало производство ржи, в три раза — льна-долгунца, традиционной культуры Нечерноземной зоны.

В настоящее время ситуация на этой территории по народонаселению крайне неравномерная, очень большой отток населения в крупные города, высокая зависимость сельхозпроизводства от государственных дотаций. Крайне неразвита

транспортная, инженерная, социальная инфраструктура сельских территорий во многих областях. И бросается в глаза такая проблема, как сокращение численности населения.

Так случилось, что я каждое лето (зимой-то меньше, наверное) проезжаю на машине по Тверской, Смоленской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Кировской областям – вот таким образом, через эти территории я добираюсь в Чувашию, на свою родину, на автомобиле, когда лето и отпуска (не все, наверное, ездили, и мне, может быть, вам рассказывать об этом бессмысленно). И я вижу, что ситуация ухудшается на самом деле (она была критической лет 20 назад, или даже 30, когда я начинал ездить), – вымершие (или вымирающие) не просто деревни и села, а целые районы. Целые районы! Видишь, что в последний раз новые строения там появлялись лет 40–50 назад. Это видно по тому, как они ветшают, какие крыши у этих домов. Вообще, мы очень много знаем об этом и по статистике уже вымерших деревень, увы.

Появились так называемые экспертами вакуумные пояса, где численность сельского населения упала до 70 процентов. И это в центре России, ядерной державы, практически в центре страны, можно так сказать.

Президент России Владимир Владимирович Путин относительно недавно (это было в 2016 году) на совещании по развитию Центрального Нечерноземья отмечал, что надо решать эти проблемы комплексно. Вот было такое совещание, и были произнесены правильные слова в 2016 году. Времени прошло прилично – три года, но все-таки пока еще от слов к практическим делам не перешли, сделано мало. Хотя появилась государственная программа комплексного развития сельских территорий, слава богу, тоже по поручению президента, но мы только в начале пути – пути,

который нам может дать надежду, если мы действительно объединим наши усилия, для чего сегодня мы и собрались. Вот благодаря импульсам, которые дали Президент России, Председатель Совета Федерации. И, признаюсь честно, Виктор Петрович Иванов. Он, пользуясь (не злоупотребляя, а именно пользуясь) своим авторитетом, я бы сказал, административным ресурсом и опытом, с радостью практически помог нам организовать и собрать заинтересованных представителей министерств и ведомств для обсуждения этого вопроса (Расстригин Михаил Алексеевич, заместитель министра экономического развития, еще не добрался, едет).

Я не буду долго говорить, поскольку это вступительное слово, и отнимать хлеб у тех специалистов, основных докладчиков, которых сегодня будет трое или даже четверо. Рассчитываю, что в ходе наших парламентских слушаний удастся выработать конкретные предложения, рекомендации, которые позволят придать новый импульс развитию Нечерноземья.

Если не возражаете, я предложу, чтобы доклады были до 10 минут. У нас основные докладчики – Левин, заместитель министра сельского хозяйства, Расстригин, заместитель министра экономического развития, наш коллега Митин, первый заместитель председателя комитета по аграрно-продовольственной политике, и Виктор Петрович Иванов. До 10 минут. Если быстрее справитесь, будет тоже хорошо, потому что желающих выступить (у нас большая аудитория) достаточно много. И хотелось бы за 1 час 40 минут – за 1 час 50 минут закончить работу, потому что через два часа другое мероприятие в этом зале должно начаться. Нет возражений против такого регламента работы? Нет. Спасибо.

У нас уже есть записавшиеся на выступления. Если есть еще дополнительно желающие выступить либо сделать реплики, для реплик – до одной минуты. Хорошо? А в репликах и выступлениях я просил бы ориентироваться на проект наших рекомендаций. Почитайте его, еще раз перечитайте и дайте нам предложения в проект рекомендаций с вашей небольшой аргументацией. Давайте таким образом будем настраиваться на работу.

Мне сообщили, что здесь присутствуют слушатели Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Есть такие, да? Или их не пустили? Пустили. Да, они присутствуют.

Спасибо за то, что вы пришли, проявляете интерес к нашей работе, и мы рассчитываем на вас. Это уже поколение, которое придет нам на смену очень скоро, наверное, да?

И, если мы не справимся, Виктор Петрович, Сергей Львович, я думаю, они нам об этом скажут, пристыдят нас и заставят сделать то, о чем мы сегодня будем говорить, потому что это потребности нашей страны, причем потребности такие, которые (об этом наверняка тоже будем сегодня говорить) связаны и с оборонными делами, с военно-промышленным комплексом, то есть напрямую связаны и с безопасностью в буквальном смысле, в узком смысле этого слова, нашей страны. Мы не должны здесь терять наши позиции.

Слово предоставляется заместителю министра сельского хозяйства Сергею Львовичу Левину. Пожалуйста.

С.Л. ЛЕВИН

Уважаемый Николай Васильевич, уважаемый Виктор Петрович, уважаемые члены Совета Федерации, коллеги! Не буду вам долго говорить о том, что лен – это, наверное, один из

основных источников натурального волокнистого сырья, который обладает уникальными свойствами, которые позволяют его очень широко использовать и в текстильной, и в легкой промышленности, и в высокотехнологичных секторах экономики.

При этом российское Нечерноземье на протяжении веков, как уже сказал Николай Васильевич, было мировым центром производства высококачественного льняного волокна. В наше время Нечерноземье сохранило свою роль в политической, экономической и культурной жизни страны, однако ведущую роль в мировом производстве льна, к сожалению, утратило.

На слайде 2 вы можете увидеть мировой товарооборот продукции из льна, который составляет около 2 млрд долларов в год. При этом доля длинного льноволокна в мировом товарообороте составляет порядка 40 процентов в натуральном выражении и 30 процентов — в стоимостном. Здесь, когда я говорю о товарообороте, я имею в виду все — и волокно, и пряжу, и ткани, весь комплекс продукции.

При этом, по данным ФАОСТАТ, в 2017 году мировое производство, за исключением Штатов, которые отчетность не сдают, составило 350 тыс. тонн. Но мировым лидером в производстве, так же как и в торговле, является не Россия, а Франция, которая произвела более 190 тыс. тонн. Россия при этом произвела менее 40 тыс. тонн (38,8, если быть точным). А в мировой торговле, на мировом рынке наша доля составляет сотые доли процента — 0,06 процента, как вы видите.

Слайд 3. Как я уже сказал, на протяжении многих лет, десятилетий и веков, Нечерноземная зона занимала одно из ведущих мест и в мире, и в России по производству льна-долгунца, но за последние десятилетия произошло резкое сокращение его

производства. При этом определяющим фактором, влияющим на все развитие льняного комплекса России, был и остается спрос со стороны текстильщиков. За последние три десятилетия произошло губительное для льняной отрасли сокращение количества текстильных предприятий, которые перерабатывали лен-долгунец в продукцию широкого ассортимента. Если сравнивать с базовым 1990 годом, то в 2017 году количество предприятий сократилось в 12,5 раза – со 100 до восьми. И как следствие – кратное снижение заказа на продукцию предприятиями переработки привело к значительному сокращению посевных площадей под лен, валового сбора льноволокна, ну и к снижению его качества одновременно. Поэтому Минсельхоз разделяет ту задачу, которая всеми обсуждается, и поставил себе цель поднять отрасль льноводства на стратегическую позицию и увеличить валовой сбор льноволокна до 2025 года до более чем 52 тыс. тонн соответственно с увеличением посевных площадей.

Давайте посмотрим, что у нас происходит сейчас.

Результатом мер господдержки в последние годы стало увеличение в текущем году посевных площадей льна-долгунца на 6 тыс. гектаров (даже чуть больше) – до 50,6 тыс. гектаров. Из них 32,6 тыс. гектаров приходятся на Нечерноземье. К возделыванию льна-долгунца вернулись многие традиционные регионы – в первую очередь мы говорим, например, об Ивановской области, Республике Марий Эл.

Какие меры господдержки для этого принимаются?

Учитывая социальную значимость для регионов Нечерноземной зоны производства льна-долгунца в целях сокращения сырьевой зависимости от импорта и вообще восстановления и развития производства этого очень традиционного

и сильного продукта для нашего сельского хозяйства Минсельхоз направил на развитие этого производства весь комплекс мер господдержки. В частности, по приоритетным направлениям госпрограммы принимаются такие меры поддержки, как льготные краткосрочные и инвестиционные кредиты, несвязанная поддержка по ставке 10 тысяч на 1 гектар, единая субсидия, возмещение CAPEX, предоставление скидки на технику и так далее. При этом со следующего, 2020 года в рамках госпрограммы механизмы поддержки усилятся, появятся компенсирующая и стимулирующая субсидии, ставки которых будут определяться субъектами Российской Федерации.

Но вернемся к тому, где мы сейчас находимся, посмотрим экспорт и импорт льноволокна.

Когда мы говорим о необходимости увеличения, значительного увеличения, производства льна, мы предполагаем два направления – и импортозамещение, и поставки его на экспорт.

По данным ФТС, только за последние пять лет у нас импорт начал сокращаться (сократился в 1,7 раза) и начал понемногу увеличиваться экспорт (в количестве это много – почти в 3 раза, но в тоннах это всего 1,7 тыс. тонн, то есть в общем мы говорим не о больших цифрах пока).

Следующий слайд показывает потенциальные мощности по производству льноволокна, и это очень важная проблема. Перейдем от нее быстро к следующему разделу. Но я поясню, ради чего этот слайд сделан. Это размещение производства льна, его переработка в Нечерноземье. И данные промышленности показывают, что в настоящее время загруженность существующих даже небольших оставшихся мощностей по переработке льноволокна составляют всего около 40 процентов. И связано это в первую очередь с

глубоким технологическим отставанием этих предприятий от потребностей современного рынка. Потому что, как я уже сказал, наше место за эти десятилетия на мировом рынке заняли другие страны – это в первую очередь Франция, а также Китай, – которые за эти десятилетия построили у себя современные высокотехнологичные отрасли по переработке льна-долгунца. И, чтобы конкурировать с ними на равных, нам придется отрасль по переработке, по сути дела, создавать заново. Поэтому необходимо провести системную модернизацию, технологическое перевооружение, реконструкцию российских перерабатывающих предприятий, для того чтобы они смогли быть конкурентоспособными по сравнению со странами – основными конкурентами.

Что нужно сказать в завершение? На слайде 9 – комплекс мер, которые мы, Минсельхоз, видим. Для устойчивого развития льноводства в Нечерноземной зоне России необходимо осуществить следующий комплекс мер.

Первое и самое главное – это сформировать и реализовать кластерный подход к развитию льняного комплекса в России. В рамках этого кластерного подхода осуществить комплексную модернизацию, перевооружение как предприятий по переработке и производству готовой продукции из льна, так и сельхозпредприятий по выращиванию и производству льноволокна. Для этого необходимо, в свою очередь, разработать научно обоснованную технологию возделывания льна на современном уровне и значительно повысить практическую результативность селекционно-семеноводческой деятельности.

Также видится целесообразным привлечение региональных институтов развития к модернизации отрасли. Мы провели анализ того, что там делается. Пока это не является их приоритетом.

И, естественно, не стоит забывать и про госзаказ. Считаем целесообразным предусмотреть в рамках приобретения продукции для государственных нужд расширение его приобретения как стартовый заказ, который позволит дать импульс.

И в завершение скажу о кластерном подходе. Собственно говоря, я просто повторяю то, о чем я сказал, — что именно нарушение межотраслевых процессов внутри технологического кластера (я имею в виду поле, льнозавод, льнокомбинат) явилось причиной резкого падения производства льна в последние десятилетия. Поэтому и воссоздавать нужно на этой же основе. Кластерный подход позволит расширить производство и переработку льняной продукции на производственных мощностях, произвести глубокую реконструкцию и модернизацию всей цепочки, сделать нашу льняную отрасль конкурентоспособной на мировом рынке и вернуть России (пусть это не произойдет немедленно, не за год-два, но тем не менее) лидирующие позиции на мировом рынке, которые она занимала в течение веков.

В этом смысле у нас есть хороший пример в виде нашей зерновой отрасли. Как вы знаете, в течение веков Россия была лидером по торговле и поставкам пшеницы на мировой рынок. Слава богу, мы вернули себе первое место в мировом экспорте пшеницы и уже несколько лет подряд являемся номером один, поэтому у нас, безусловно, есть опыт, компетенция и желание сделать то же самое и в отношении льна в традиционной зоне его производства, мировой традиционной зоне — в Нечерноземье.

Для этого необходимо продолжать движение в сторону создания кластеров. Эти кластеры уже созданы в Ивановской, Смоленской и Вологодской областях, планируются в Тверской. И это позволит нам добиться тех целей, которые мы перед собой ставим. Спасибо.

Н.В. ФЁДОРОВ

Спасибо, Сергей Львович, за достаточно оптимистичный доклад. Если ограничиться только Вашим докладом, по-моему, все нормально, да? Неплохо.

С.Л. ЛЕВИН

Должно быть так.

Н.В. ФЁДОРОВ

Я все равно задам вопрос. У меня, как у модератора или председательствующего, такая миссия, не самая позитивная, не самая добрая. Вы рассказали и привели пример зерноводства, как мы рванули вперед и стали лидерами по производству зерна. А сколько сейчас в ведении Минсельхоза специалистов вообще по льну, по льноводству? Минсельхоз России знает? Потому что мы получаем информацию, что вообще специальностей и отделений, кафедр, которые занимаются льноводством, в учреждениях Минсельхоза почти не осталось, да? В костромском сельскохозяйственном университете, по-моему, была кафедра, специальность была, а теперь нет. Совсем недавно (в прошлом году или в этом году) закрыли.

С.Л. ЛЕВИН

Николай Васильевич, это, безусловно, абсолютно обоснованный вопрос. Специалистов осталось действительно очень мало. Кроме того, вы знаете, что большая часть компетенции в этом вопросе, когда я говорил о селекционной работе и о современных

технологиях, — это, к сожалению, пассаж не в сторону Минсельхоза, а в сторону Минобрнауки, потому что вся компетенция науки и соответствующая специализация — в ведении Минобрнауки.

Н.В. ФЁДОРОВ

Бороться надо с Минобрнауки Минсельхозу.

С.Л. ЛЕВИН

А главный бенефициар здесь — безусловно, Минсельхоз. Поэтому мы должны всеми правдами и неправдами побуждать к стимулированию и развитию этой компетенции, Вы правы.

Н.В. ФЁДОРОВ

Вопрос чрезвычайно важный. Это не банально звучит — кадры решают все. Абсолютно ничего из того, о чем Вы оптимистично рассказали, если не будет кадров, у нас не получится.

И по-товарищески, неформально скажу: работая три года министром сельского хозяйства (это так, между нами), я все три года одновременно с достижениями в производственной сфере вынужден был посвящать борьбе с министром образования и науки за сохранение подготовки специальностей в учреждениях, в вузах Минсельхоза. Петр Александрович это хорошо помнит. Каждый год, постоянно приходилось бороться.

Ну, вы боретесь с ними, по-товарищески так, да? Кто кого?

С.Л. ЛЕВИН

Конструктивно.

Н.В. ФЁДОРОВ

Ладно. Эта тема очень важная и в повестке стоит и у нас, и у Минсельхоза. Кадры надо готовить, не позволять закрывать... И поддерживать надо. Если есть какие-то инициативы, какие-то проекты в этой сфере, надо поддерживать и финансированием подготовку кадров.

К нам присоединился Михаил Алексеевич Расстригин, заместитель министра экономического развития. Он, наверное, нам добавит то ли оптимизма, то ли чего-то еще.

Пожалуйста.

М.А. РАССТРИГИН

Спасибо большое, Николай Васильевич.

Н.В. ФЁДОРОВ

Мы договорились – до 10 минут.

М.А. РАССТРИГИН

Да-да. Я не буду занимать много времени. Извините за то, что я задержался.

Н.В. ФЁДОРОВ

Нет проблем.

М.А. РАССТРИГИН

Хочу начать с того, что я родился и вырос в одном из регионов Нечерноземья, который в том числе специализировался на производстве продукции из льна. В общем-то, на моих глазах закрывались производственные мощности по переработке, и на их месте возникали торговые центры.

Н.В. ФЁДОРОВ

Это какой субъект Федерации?

М.А. РАССТРИГИН

Это Ивановская область.

Сейчас, конечно, происходит частичное возрождение отрасли, но происходит оно, конечно, не теми темпами, которыми мы хотели бы, чтобы оно происходило. И мне кажется, что Сергей Львович сделал очень хорошую презентацию, он подошел к вопросу очень комплексно и показал все основные сюжеты, которые сегодня есть и которые мы видим в отрасли с точки зрения статистики.

И то, что сегодня доля Российской Федерации на мировом рынке льна занимает сотые процента, — это показатель, конечно же, достаточно пессимистичный. С одной стороны, это тот факт, который есть у нас сегодня, но, безусловно, с другой стороны, это говорит о том, что у нас существует потенциал по наращиванию этой доли, и мы видим, что исторически производство льна было в достаточно существенных объемах.

И задача, которая стоит перед нами сегодня, — это сформировать модель развития отрасли таким образом, чтобы она была устойчивой, конкурентоспособной и чтобы компании, которые будут в конечном итоге заниматься производством льна и продукции из льна, смогли занять бóльшую долю на мировом рынке. И это как раз тот сегмент, который, если мы правильно выстроим работу в нем, позволит обеспечить рост экономики и выход на те темпы экономического роста, на которые мы должны выйти, решая те задачи, которые перед нами поставил президент в майском указе.

В этой связи хочу остановиться и подчеркнуть, что, работая над развитием этой отрасли, мы, безусловно, должны смотреть на этот вопрос комплексно и учитывать те экономические реалии, в которых мы находимся, потому что, предоставляя субсидии точечно в какие-то отдельные сегменты, мы не добьемся того результата, который хотим получить.

О чем непосредственно я говорю? Конечно же, отрасль состоит из большого количества аспектов — это и технологии производства начиная с технологий, которые касаются семеноводства, селекционной работы, это и механизация производственных процессов, и создание на территории Российской Федерации производств по выпуску техники, которая будет участвовать в этих производственных процессах (это касается и

моторизированной техники, и станкостроения). Это и вопросы кадров (то, о чем сегодня уже коротко говорили). Это вопросы маркетинга конечной продукции, потому что, безусловно, если на нашу продукцию не будет спроса, если мы будем предоставлять субсидии и создавать производство продукции, которая не востребована, то в конечном итоге, когда субсидии закончатся, и производство свернется.

Поэтому задача, которую мы ставим перед собой в Минэкономразвития в этом вопросе, — это сформировать модель устойчивого экономического развития отрасли, рассчитать все параметры этой модели с точки зрения объемов производства, развития смежных отраслей таким образом, чтобы в совокупности эта модель выходила и давала тот продукт, который способен конкурировать на мировых рынках. И постановка задачи именно в таком ключе, выход на производство такой продукции позволят нам и наращивать долю на мировом рынке, и у нас формировать конкурентоспособные производства.

Мы считаем, что со стороны правительства должна быть запущена достаточно амбициозная программа поддержки всей цепочки, участвующей в производстве товаров из льна. И именно такой подход позволит нам трезво оценить, какое количество мер поддержки, субсидий, в какой форме необходимо выделить, для того чтобы в конечном итоге создать отрасль, которая будет устойчивой, которая сможет развиваться уже в конечном итоге без дополнительной государственной поддержки.

И здесь та развилка, как мне кажется, которая есть, которую нужно правильно пройти, — мы не всегда амбициозно подходим к вопросам поддержки на начальном этапе развития отрасли. А, по сути, исходя из тех цифр, которые мы видим сегодня, той

статистики, которая у нас есть, отрасль в какой-то степени вернулась к своему изначальному, первому этапу. И на этом первом этапе с учетом того потенциала, который есть, с учетом той истории, которая у нас есть, мы должны оценить... И если меры поддержки нужно увеличить кратно, но это в конечном итоге с точки зрения экономических расчетов нам даст тот результат, к которому мы хотим прийти, то есть к устойчивой, конкурентоспособной продукции, значит, нам надо просто смелее, амбициознее принять решение относительно мер поддержки, с тем чтобы быстрее выйти на устойчивые темпы развития отрасли. Тот толчок, который мы должны дать на первоначальном этапе, должен быть достаточным, для того чтобы отрасль смогла развиваться. Потому что, если мы будем оказывать какую-то поддержку и рассказывать о том, что у нас есть такая мера поддержки, другая мера поддержки и вроде они должны помочь, мы в какой-то степени будем заниматься самообманом, потому что мы должны понимать, что это нам не даст того результата, к которому мы хотим прийти.

Поэтому еще раз, уже заканчивая свое выступление, хочу подчеркнуть, что развитие льноводства в целом соответствует приоритетам стратегии пространственного развития Российской Федерации. Это отмечено правительством в соответствующем документе, в стратегии. Сегодня той задачей, которую мы, Минэкономразвития, ставим перед собой, является формирование такой экономической модели, которая нам даст результат с точки зрения конкурентоспособной продукции. И, отталкиваясь от этих расчетов, мы будем выходить с предложениями по амбициозным мерам поддержки отрасли. Спасибо.

Н.В. ФЁДОРОВ

Спасибо, Михаил Алексеевич.

На самом деле я хочу напомнить с учетом и Вашего выступления: денег в федеральном бюджете на поддержку сельского хозяйства в целом и развитие села заложено немало и закладывается немало. Денег всегда не хватает, банально звучит, но тем не менее мы совсем недавно боролись за то, чтобы госпрограмма развития сельского хозяйства гарантировала из федерального бюджета 200 – от силы 250 млрд рублей. Сейчас гарантировано (да, Сергей Львович?) 300 миллиардов как минимум по госпрограмме развития сельского хозяйства. Плюс по госпрограмме комплексного развития сельских территорий гарантировано 35, мы еще дополнительно давим на правительство, на Силуанова вместе с Минсельхозом. И они за счет других ведомственных программ (нам это показывают по крайней мере) добавляют на 2020 год еще 70 млрд рублей. Но это такие небольшие хитрости, лукавство, но тем не менее надо взять все эти... Это огромные суммы, это только из федерального бюджета, это софинансирование из федерального бюджета, потому что по Конституции (с этим тоже надо считаться) развитие села, сельскохозяйственное производство – это компетенция субъектов Федерации, а федеральный бюджет софинансирует, причем софинансирует до 90–95 процентов стоимости проектов в части господдержки.

Поскольку Михаил Алексеевич говорил о приоритизации и Минэкономразвития, как такой центральный экономический штаб правительства, поддерживает развитие льноводства, понимает, осознает (представитель Минсельхоза за это, сейчас будут другие выступления), наша задача, в том числе этой квалифицированной аудитории ответственных людей, – помочь такой четкой и рациональной приоритизации в использовании этих огромных ресурсов, которые уже есть в федеральном бюджете, направлять их

именно на то эффективное, на то необходимое и приоритетное, в чем мы убеждены. Вот наша задача – выработать аргументы в пользу этого в адрес правительства, если нужно, Администрации президента, отраслевых министерств и тех, кто распределяет бюджет в конечном счете, – Госдумы и Совета Федерации. Здесь есть представители Государственной Думы, наши коллеги, я имею в виду и их. Не боги горшки обжигают, и чудо не свершается само по себе. Все это в наших руках на самом деле. Давайте мы сосредоточимся как раз на том, чтобы найти наиболее эффективные алгоритмы достижения этих результатов.

Сейчас я с удовольствием предоставляю слово человеку, который прошел, можно сказать, огонь, воду и медные трубы в разных должностях – был и заместителем министра промышленности, науки и технологий, и заместителем Министра сельского хозяйства Российской Федерации, и губернатором Великого Новгорода.

Великого Новгорода, да? Господина Великого Новгорода? Новгородской области. Ну, это же Великий Новгород все равно?

С.Г. МИТИН

Да. Столица – Великий Новгород.

Н.В. ФЁДОРОВ

Митин Сергей Герасимович, пожалуйста.

С.Г. МИТИН

Спасибо, Николай Васильевич.

Мне после достаточно оптимистичных выступлений коллег придется, к сожалению, спуститься на реальную землю.

Уважаемый Николай Васильевич, Вы в своем вступительном слове такой тренд задали все-таки – связь льна с развитием Нечерноземья. Мы постарались изучить эту проблему – почему,

несмотря на огромные государственные затраты, особенно со второй половины XX века (здесь показано), все-таки такое критическое состояние Нечерноземья сегодня. На наш взгляд, одна из основных причин — это то, что отсутствует конкурентоспособный продукт Нечерноземья, которым долгое время традиционно являлся лен. И по мере развития государства, мира вообще конкурентоспособность по производству льна на своей территории Россия, к сожалению, теряла.

Вот на слайде показано: в начале XX века Россия — мировой лидер по производству и экспорту льна (80 процентов мировых посевов, 70 процентов сбора льна и объем производства — более 350 тыс. тонн). Я прошу коллег эту цифру зафиксировать — 350 тыс. тонн в 1913 году. Затем объемы производства постоянно снижаются. Основная причина этого заключается в том, что союзные республики развивают производство хлопка, хлопок постепенно заменяет неконкурентоспособный лен. С 70-х годов ситуация еще более усугубляется, потому что все больше и больше строится заводов по производству хлопка в республиках. Еще больше она усугубляется в 1991 году — в связи с распадом Советского Союза: границы открываются, поступает полиэтиленовая продукция, которая заменяет льняные ткани. А бывшие союзные республики самостоятельно начинают строить заводы и уже говорят: мы не будем вам поставлять хлопководство, а будем поставлять готовую ткань. И сегодня эта ситуация уже становится критичной. В настоящее время она продолжает ухудшаться, потому что конкуренция растет, а мы конкурентоспособный продукт представить, к сожалению, не можем.

Теперь как это связано с Нечерноземьем. Вот, Николай Васильевич, Вы уже цифры назвали, я их подтверждаю. Специфика

севооборота при выращивании льна явилась одной из основных причин деградации в Нечерноземье при падении объема производства льна. Мы взяли 10 наиболее типичных регионов Нечерноземья – это Ивановская, Новгородская, Псковская области (коллега говорил, не буду их перечислять). Производство льна снизилось в шесть раз, посевные площади под лен сократились в 18 раз, поголовье крупного рогатого скота – в шесть раз, производство молока – в 2,5 раза. Все совершенно понятно. Снижается производство, севооборот, снижается кормовая база, поголовье скота уменьшается. Там, конечно, есть еще ряд факторов, но, во всяком случае, это основные, главные причины. И это для страны становится наиболее актуальным, учитывая роль Нечерноземья, потому что в Нечерноземье живет 30 процентов населения (37 процентов – сельского населения) и находится около 21 процента пахотных земель. И если мы посмотрим в целом по России, то совершенно четко видим корреляцию снижения объемов производства льна, снижения поголовья, снижения производства мяса КРС и молока.

Какие же перспективы рынка льна сегодня? Это первый вопрос, который мы задали, когда, Николай Васильевич, Вы, собрали нас, и мы задавали его последовательно до сегодняшнего дня, готовясь к этому заседанию. И могу сразу сказать (чтобы квалифицированную аудиторию не нагружать цифрами): мы собрали данные со всех заинтересованных министерств, институтов развития, научно-исследовательских организаций и увидели, что сегодня минимальная потребность России во льне – 450 тыс. тонн. Основные потребители – текстильная, целлюлозно-бумажная промышленность, медицина, строительство, военно-промышленный

комплекс. И, кроме этого, минимум 100 тыс. тонн льна необходимо (и возможно сегодня) поставлять на экспорт.

Поэтому мы сразу видим несоответствие государственной программы развития сельского хозяйства реальной потребности (и сегодня коллега Сергей Львович об этом говорил). 52 тыс. тонн льноволокна в 2025 году (увеличение порядка 30 процентов) – это вообще ни о чем. Тогда и нечего здесь собирать парламентские слушания и говорить об этом, чтобы увеличить теми цифрами, данными и выйти на какую-то хотя бы более или менее приемлемую цифру по конкурентоспособности, по эффективности, по вообще захвату рынка, тем более что сегодняшнее состояние намного хуже, чем оно даже нам представляется.

Мы здесь представили: 127 сельхозорганизаций производят 38 тыс. тонн льноволокна. Получается на каждую организацию 300 тонн в среднем. Присутствующие здесь люди понимают, что это такое. Это даже не колхоз, это вообще бригада полеводческая, которая сегодня разбросана по всей стране, возит без всякой логистики в открывающиеся предприятия или закрывающиеся льнозаводы это сырье, теряя на этом уже огромные деньги. И, конечно, никакого реального эффекта, если мы не включим в это дело совершенно иные меры государственного воздействия, мы не получим.

Сегодняшние, существующие меры государственной поддержки, на наш взгляд, для льноводства неэффективны, потому что погектарная поддержка распределяется по субъектам Российской Федерации. Губернатор сам решит, куда направлять – на лен убыточный или на какие-то другие прибыльные сельхозугодья.

Если мы говорим о компенсациях и всех банковских продуктах, то могу вам сказать, что из этих 127 предприятий мало

какое предприятие сможет получить вообще какой-либо кредит в нашем финансовом учреждении. Просто их кредитная история не позволяет этого сделать. Да я могу сказать: и количество, и кадровый состав людей, то же самое, не позволят им грамотно сделать бизнес-план и защитить его в современном нашем банке.

Если говорить о субсидиях для производителей сельхозтехники по постановлению № 1432, которое, казалось бы, существует (и мы 10 млрд рублей совместно здесь выбиваем для этого), то для специальной льноводческой техники (я хочу еще раз повторить слово "специальной") это, в общем-то, копейки, потому что бóльшая часть, конечно, уходит на основные виды сельхозтехники – трактора, обыкновенные зерновые комбайны. И, по нашим оперативным данным, в прошлом году около 10 миллионов льноводы получили по постановлению № 1432. Но что это за цифра, если льноуборочный комбайн стоит 20 млн рублей?

Таким образом, мы можем сказать, что традиционные меры, сегодня существующие, вряд ли нам смогут дать такой эффект, которого необходимо достичь.

Что необходимо сделать, на наш взгляд? Николай Васильевич, Вы очень правильно сказали (извините, я говорю Вам это еще раз), что это должно быть прямо связано с развитием Нечерноземья. Прежде всего надо вообще определить нам, что такое Нечерноземье, потому что сегодня законодательно это еще даже не определено. Есть решение, постановление Госстандарта от 1995 года, которым утвержден общероссийский классификатор. Согласимся, что это не тот документ. А что такое сегодня Нечерноземье? (Я прошу этот слайд высветить.) Это, как я говорил, 14 процентов площади России, площадь пашни – 21 процент, 30 процентов – население и 30 процентов – сельское население. Если мы это еще

интерпретируем в мясо, молоко, то увидим, что это основные производители как раз этой сельскохозяйственной продукции.

Поэтому, первое, на наш взгляд, надо определить, что такое Нечерноземная зона и, конечно, в рамках государственной программы "Комплексное развитие сельских территорий" выделить отдельную подпрограмму по развитию Нечерноземной зоны. Без этого не получится ничего, не будет кадров, которые смогут работать и эффективно производить конкурентоспособный мировой продукт.

Вторая задача — нам необходимо существующие меры государственной поддержки сделать более эффективными, учитывая специфику льноводческих хозяйств. Как это сделать? Надо садиться со специалистами и разбираться, но надо понимать, что существующие меры, эффективно показавшие себя (я согласен с Сергеем Львовичем) в других подотраслях сельского хозяйства, в льноводстве сегодня работать не будут. Значит, их нужно унифицировать под льноводческие хозяйства.

Кроме этого, мы считаем, необходимо (сегодня также говорилось о кластерах) создать такую модельную структуру льноводческого хозяйства, логистически расположенную грамотно между полями и перерабатывающим заводом, достичь на трех-четырёх-пяти таких хозяйствах эффекта и, учитывая перспективу рынка, учитывая меры государственной поддержки, привлечь в этот бизнес крупные сельскохозяйственные предприятия, в том числе ориентирующиеся на производство мяса и молока.

Конечно, нам необходимо объединять науку и Министерство сельского хозяйства, и мы говорили об этом на предыдущих парламентских слушаниях, по семеноводству. Совершенно очевидно, что новые технологии в сегодняшнем состоянии управленческой системы нам не удастся внедрить в льноводство, если мы не

проведем кардинальных организационных изменений. Необходимо объединение сельскохозяйственной науки с министерством под одним крылом.

И, наконец, последнее. Учитывая актуальность этой темы (я надеюсь, что сегодня выступающие, специалисты еще выскажут более конкретные и интересные предложения), я бы вышел с предложением к Совету Федерации утвердить решение сегодняшних парламентских слушаний специальным постановлением Совета Федерации. Спасибо за внимание.

Н.В. ФЁДОРОВ

Спасибо, Сергей Герасимович.

Мне кажется, что Ваш пафос, хороший, позитивный и эмоциональный в то же время, разделяет вся аудитория, даже Сергей Львович и Михаил Алексеевич. Так ведь? Трудно отмахнуться от проблем и причин, которые назвал Сергей Герасимович, почему мы еще не имеем того, что хотим иметь, о чем мечтают специалисты в этой сфере.

Мы обязательно учтем это выступление по максимуму, по-другому нельзя. И президент страны, и Председатель Совета Федерации всегда призывают к тому, чтобы мы ставили амбициозные задачи — тогда можно добиться приемлемого результата. А если будем претендовать на то, чтобы как-нибудь — на троечку или на четверочку — сделать что-то, то точно не получится. В большой политике — как в спорте. Поэтому по результатам надо претендовать на пять с плюсом, чтобы получить близкую к отличной оценку нашей работы. Так ведь, да? Методически, методологически — как угодно. Тогда результаты появятся.

Я думаю, что опыт работы каждого из нас в своих должностях показывает, что нужно ставить действительно высокую планку,

чтобы иметь достойный результат. И Сергей Герасимович нам задал такую планку. Кто-то может сейчас сказать (особенно из представителей правительства и не только правительства), что это слишком амбициозно, слишком много понадобится и времени, и денег, главное. Но давайте двигаться в этом направлении или давайте предлагать более убедительные иные варианты решения данной проблемы для страны, для Нечерноземья.

Сейчас я с удовольствием предоставляю слово главному виновнику (просится такое слово) того, почему мы собрались, – Иванову Виктору Петровичу, председателю Попечительского совета Межрегионального общественного фонда поддержки и развития льняной отрасли "Льняной союз".

Пожалуйста, Виктор Петрович.

В.П. ИВАНОВ

Уважаемый Николай Васильевич, уважаемые коллеги! Я хотел бы оттолкнуться от тех акцентов, которые прозвучали у предыдущих товарищей, включая председательствующего и заместителя министра экономического развития, когда он упомянул Ивановскую область, которая мне знакома не понаслышке, а по рождению.

Я хочу упомянуть такой момент, говоря о текстильной промышленности. Действующий губернатор Воскресенский направил тревожную информацию в адрес главы государства о том, что за один только год поставки хлопковолокна на текстильные предприятия Иванова (а там сосредоточено 85 процентов текстильных мощностей страны) сократились с 58 тыс. тонн хлопковолокна до 28 тыс. тонн. Потеряно много рабочих мест, ну и, соответственно, затормозилась промышленность. К слову говоря, возникли выпадающие доходы в бюджеты и фонды (социального

страхования...) в сумме 3 млрд рублей. Это только по одной Ивановской области только за один год.

При этом хочу сказать, что основное хлопководство идет из Узбекистана. Шавкат Мирзиёев, глава Узбекистана, заявил о том, что с 2020 года Узбекистан вообще прекращает экспорт хлопководства. Зачем экспортировать сырье, когда у них работает текстильная промышленность и наибольшая добавочная стоимость остается в этой республике? Мы просто должны, обязаны думать о решении этой проблемы.

И еще прозвучали слова (в том числе Николай Васильевич сказал) об амбициозных задачах, о комплексном подходе, о том, что просто такими разовыми мерами мы эту проблему не решим. Тем более мы видим, что проблема льноводства связана с проблемами Нечерноземья, потому что именно в Нечерноземье живут люди, которые пользуются техникой, которые используют пашню для производства, но пока, конечно, не все получается. Поэтому я разделяю те акценты, которые прозвучали, и хочу как раз предложить своего рода стратегический маневр для решения проблемы развития земель именно в Нечерноземье.

На прошлой неделе прошла новость о том, что Иран планирует получить кредит у Российской Федерации на 2 млрд долларов, что в совокупности составит 5 млрд долларов. Ни в коем случае не оспаривая такой кредит важнейшей державе Ближнего Востока, хотел бы отметить, что для системного подъема и оздоровления социально-экономической ситуации Нечерноземья, скажем, в каком-то обозримом будущем, к 2024 году, потребуется как раз примерно такая же сумма. А здесь, в регионах Нечерноземья, проживает до 60 миллионов человек, включая города (не включая города – несколько меньше). Мы видим эту проблему.

И вот как раз инструментом кардинального оживления социально-экономической жизни населения в Нечерноземье может стать создание, по нашим расчетам, порядка 400 опорных модуль-хозяйств – по 10–15 в каждом регионе, основу которых составит высокорентабельный бизнес по выращиванию льна-долгунца и производству льноволокна в общем выходе с макрорегиона Нечерноземья до 300 тыс. тонн. Это совершенно посильная задача.

Но представители министерств правильно сказали, что предприятия должны быть высокорентабельными, доходными. Если они будут убыточными, мы так и будем дальше продолжать.

С учетом трехпольного севооборота итоговой продукцией модуль-хозяйств помимо льноволокна, конечно, явится высококачественная мясомолочная, плодоовощная и зерновая продукция.

По нашим расчетам, каждое такое модуль-хозяйство средней площадью 2,5 тыс. гектаров с полномасштабной машино-тракторной станцией (без техники сегодня никуда) окупится за четыре года и потребует инвестиций в объеме порядка 750 млн рублей, включая строительство минимальной жилой инфраструктуры для привлекаемых молодых специалистов. В них потребность на селе есть уже сегодня.

Совокупность указанных модулей собственно и сформирует экономический каркас макрорегиона, возрождая на основе культивации льна-долгунца трехпольный севооборот. Сегодня у нас в Нечерноземье в основном практикуется однополье, в основном это кормовые культуры, в лучшем случае – двухполье. Как раз лен является той третьей культурой, которая обеспечит оптимальный севооборот. Поэтому лен-долгунец станет якорной культурой в современном трехпольном севообороте.

Почему это не происходит сейчас? Отсутствие современной инфраструктуры в сочетании с архаичной и убыточной системой льноводства, даже несмотря на достаточно обширные меры государственной поддержки, приводит к ежегодному падению производства льноволокна вопреки поручению Президента России от 20 января 2016 года № Пр-79. То есть мы это наблюдаем, об этом говорил Сергей Герасимович.

Для решения этой проблемы нами предлагается перевод отрасли на новую агротехнологическую платформу, заточенную на производство биржевого товара, а это длинное волокно, обеспечивающее высокую рентабельность и гарантированную поставку сырья для производства пряжи, ткани, агроцеллюлозы, медико-гигиенической продукции, биокompозитов и так далее. Это, в свою очередь, обеспечит отечественным сырьем текстильную промышленность, находящуюся на голодном пайке из-за дефицита иностранного хлопкового волокна, обеспечит возврат в оборот порядка 1,5 млн гектаров пахотных земель, сформирует стабильный заказ для промышленности на специализированную сельхозтехнику (это оборачиватели, льнотеребилки, пресс-подборщики и так далее), даст существенное пополнение — до 30 млрд рублей — в местные бюджеты и обеспечит растущий спрос на выпускников сельскохозяйственных и иных российских вузов.

Пока пашни у нас мало, у нас и заказа нет на сельхозтехнику. Сейчас, по большому счету, вся сельхозтехника производится для наших южных регионов — для Ставропольского, Краснодарского краев, где чернозем. А на эту технику спроса нет. Нашим закрепитованным льноводческим хозяйствам не купить эту технику — да, по большому счету, и не надо, они едва концы с концами сводят.

Нами, Льяняным союзом, разработана и апробирована в Тверской области инновационная бизнес-модель, и она обеспечила рентабельность производства льноволокна в 45 процентов, что в 45 раз превышает среднюю рентабельность действующих российских льноводческих хозяйств (она колеблется возле 1 процента). Именно поэтому практически 100 процентов льноводческих хозяйств закредитованы.

Коллеги, решить проблему Нечерноземья – это означает разработать и реализовать принципиально новую модель экономики, которая даст в сложнейших условиях макрорегиона резкий рост доходов граждан и высокие темпы экономического развития.

Задам кратко базовые параметры.

Прежде всего, в основе экономики, как я уже сказал, должны лежать комплексные проекты с гарантированной высокой рентабельностью. Посмотрите, пожалуйста, на примере льна (слайд достаточно яркий). На слайде более чем наглядно показана разница в прибыльности льноводства в России и Франции (сегодняшний лидер по льну-долгунцу). Если у французов доход с 1 гектара достигает 6 тыс. евро, то у нас в 10 раз меньше – 600 евро. Какая же тут экономика?

И если до 1991 года лидером мирового рынка льноволокна, как уже говорили предыдущие выступающие, являлась наша страна, занимая 80 процентов оборота, сегодня наша доля на рынке упала практически до нуля. Упоминались цифры – 30–40 тыс. тонн льноволокна у нас. Но, я хочу сказать, это в валовом объеме, а ведь надо смотреть суть. А если брать качественный товар, приемлемый для текстильной промышленности, то это 3–4 тысячи всего-навсего.

И сравните: 180 тыс. тонн волокна высокого качества производит Франция. Она заняла наше место лидера и при этом

полностью скооперировалась с Китаем. Практически 100 процентов льноволокна, которое производится в Нормандии, на севере Франции, идет в Китай прямым, на текстильные мощности Китая. При этом китайский монополюный льнотекстильный комплекс испытывает уже сейчас существенный дефицит волокна (то есть они это всё перерабатывают) минимум еще в 100 тыс. тонн. Они просто готовы купить, мы с ними в контакте. Они говорят: дайте нам 100 тыс. тонн волокна. Потому что это ограничивает их рост. Они намерены и дальше расширять производство льняных тканей.

А Франция и ее партнеры, скажем, в Европе, если говорить о перспективах, жестко ограничены в наращивании производства льноволокна просто по причинам земельных ресурсов, климата и так далее, то есть у них всех занято уже. Поэтому всё, они уже достигли предела.

В то же время у нас в Нечерноземье имеется 25 млн гектаров необрабатываемых пахотных земель. Вот где колоссальный потенциал для экономически эффективных проектов, что просто невозможно не заметить. Соответственно, на наш взгляд, государство просто обязано сформировать стратегическую задачу по возвращению нашей страны на лидирующие позиции мирового рынка в производстве льноволокна, фактически решить задачу восстановления мировой монополии на лен и спроектировать, по сути, заново, с нуля льняной комплекс, способный производить к 2024 году порядка 300 тыс. тонн волокна мирового качества с рентабельностью не менее 50 процентов, чтобы не быть обузой для государства. Стало быть, это будет стимулом и для демографического развития регионов Нечерноземья, и для экономического, социального подъема и так далее. Никакие фермеры, даже коммерсанты, инвесторы с деньгами, сами это не организуют.

Нужно предметное и творческое государственное участие с частичным вложением в льняной мегапроект на принципах того же капитального гранта, используемого в концессиях.

Поэтому хотел бы обратиться к принципиально новой экономической модели.

Итак, первое в нашей экономической модели – это, прежде всего, поток высокорентабельных комплексных проектов, дающий мощный мультипликативный эффект.

К слову говоря, вчера Президент России Владимир Владимирович Путин, открывая трассу Москва – Санкт-Петербург, между двумя столицами, говорил как раз о мультипликативном эффекте. Я, как и Николай Васильевич, езжу на машине за рулем по регионам Нечерноземья в Санкт-Петербург и вижу, что уже эффект идет, более качественное движение. Это дало эффект развития сети местных, региональных автодорог, они тоже преобразуются. То есть это вопросы доставки грузов, вопросы связанности страны, регионов Нечерноземья, потому что пашня – на селе, а более глубокая переработка уже, как правило, идет в городах, в малых городах. Будет решаться проблема и моногородов так называемых, и малых поселений, и так далее.

Второе – это долгосрочное инвестирование с цифровым интерактивным планированием. Это означает, что нужна современная управленческая модель по типу высокоточного земледелия (precision agriculture), которая сведет в единое управление 400 упомянутых модуль-хозяйств, центры переработки сырья, технологическое обслуживание, подготовку кадров, торговые дома, в конце концов, и так далее.

Третье – это, конечно, организация молодежных команд по переосвоению Нечерноземья на базе комплексных проектов. Здесь

представлена красочная карта. Мы видим, где сосредоточено, сконцентрировано население и что происходит. По сути, через развитие Нечерноземья мы делом ответим на известный призыв "пора валить" и запустим программу "модно жить и вести бизнес в России, в Нечерноземье". Ведь центральный вопрос обсуждаемой нами проблемы – кто будет полномасштабно и достойно жить в Нечерноземье, для кого и для чего будет планируемое развитие? Если мы не предпримем решительных действий, то демографическая карта (мы видим, она "белеет") может полностью "побелеть".

Четвертый параметр модели – это мультиинфраструктурные плацдармы для формирования 400 модуль-хозяйств, задающих достойный уровень занятости, предполагающие перспективные молодежные поселения в малых населенных пунктах. Под каждое экономически самодостаточное хозяйство логически и экономически оправдано организовать единую мультиинфраструктурную платформу, включающую социальную, телекоммуникационную, энергетическую, транспортную инфраструктуру и так далее.

Я хочу сказать, что в истории России много таких примеров. Например, в Вологодской области вначале возникали производства по производству льна, а потом это постепенно превращалось в города, населенные пункты и так далее. Поэтому будут высокодоходные хозяйства – пойдут туда люди.

Я хотел бы поддержать Николая Васильевича, он упомянул Конституцию с точки зрения правового регулирования, что вопросы сельского хозяйства отнесены к компетенции регионов. Безусловно, это так. Но вымирание или обезлюживание территорий создает большую проблему с точки зрения безопасности страны, ее суверенитета. Мы это знаем по Дальнему Востоку, где мы обеспокоены обезлюживанием территорий и знаем, чем это

закончится. А это уже компетенция федерального центра. Поэтому правовые основания у нас в целом есть.

Коллеги, завершая, хочу предложить для решения задачи подъема Нечерноземья следующий алгоритм действий.

Первое. Поставить вопрос о необходимости нового национального проекта по комплексному подъему и развитию Нечерноземья, который мог бы стать логическим продолжением показавшей свою эффективность политики, инициированной в свое время постановлением ЦК КПСС, Совмина СССР 1974 года "О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР". Мы помним, что даже была учреждена государственная награда за освоение, за подъем Нечерноземья. Мне кажется, этот опыт надо использовать.

Второе. В связи с тем что в декабре состоится заседание Государственного совета по вопросу "Государственная аграрная политика – эффективное сельскохозяйственное производство и развитие сельских территорий" (такое название), видится целесообразным рекомендовать руководителям субъектов Российской Федерации поднять вопрос о формировании нового национального проекта – по Нечерноземью.

Третье. Для организации системной работы по проблеме представляется целесообразным в рамках Совета Федерации создать рабочую группу, чтобы работа продолжалась по проблемам развития Нечерноземья и возрождения льноводства.

Учитывая опыт работы заместителем министра сельского хозяйства, губернатором Новгородской области (Николай Васильевич упомянул), да и, наверное, по земляческому принципу (я уроженец Великого Новгорода) считал бы оптимальной кандидатурой на должность руководителя этой группы кандидатуру

Митина Сергея Герасимовича, члена Совета Федерации от Новгородской области.

Четвертое. С учетом значимости рассмотренной темы, коллеги, предлагаю утвердить рекомендации парламентских слушаний постановлением Совета Федерации и, возможно, направить, обращение Совета Федерации в адрес главы государства. Благодарю за внимание.

Н.В. ФЁДОРОВ

Спасибо большое, уважаемый Виктор Петрович, за очень основательный доклад и презентацию, я бы даже сказал, некоторых фрагментов или подходов к формированию государственной программы по теме Нечерноземья и льноводства.

Некоторые предложения, думаю, мы можем сразу неформально, формально утвердить. Я думаю, что Сергей Герасимович Митин (сам бог велел) возглавит эту работу, да?

С.Г. МИТИН

(Микрофон отключен.)

Н.В. ФЁДОРОВ

Вы не возражаете, да, Вы всегда за, готовы нести нагрузку во благо Отечества.

Сергей Львович, мы просим Вас (все-таки Минсельхоз будет в значительной степени готовить это заседание Госсовета) и губернаторов настроить, и самому министерству, как отраслевому лоббисту (в хорошем смысле), надо, наверное, еще раз дополнительно изучить предложения Виктора Петровича. Они не только достойны внимания – они наиболее реально нам позволяют добиться такой мощной государственной поддержки, не разовой, не фрагментарной, о чем мы сейчас говорим и пытаемся даже систематизировать, с тем чтобы показать, что есть государственная

политика. Понятно, что она все-таки недостаточна для того, чтобы возродить, как мы формулируем, эту отрасль и тем более вдохнуть новую жизнь в новых условиях XXI века в Нечерноземье.

Есть понимание, да? Будем работать вместе. Спасибо, Виктор Петрович, еще раз.

Давайте послушаем Галину Николаевну Солодун, члена Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера.

Г.Н. СОЛОДУН

Добрый день, уважаемый Николай Васильевич, уважаемые участники слушаний! Соглашусь с предыдущими выступающими: возрождение льняной отрасли в России – одно из ключевых направлений стратегии развития Нечерноземья на ближайшую перспективу. Это и увеличение рабочих мест, это и сокращение сырьевой зависимости российских перерабатывающих предприятий от импорта.

Я в Совете Федерации представляю Брянскую область. Брянская область за последние годы сделала значительный рывок в части сельскохозяйственного производства. Нам удалось валовой региональный продукт за последние годы поднять с 7 процентов до 19,7 процента. Конечно же, в области производство картофеля на высшем уровне (то, чего мы достигаем), производство зерна, производство рапса, сои, подсолнечника. Но льняной комплекс тоже имеет особое значение, и ему начинают уделять внимание. В регионе он представлен семью сельхозпредприятиями, которые занимаются производством и первичной переработкой льна. На экране показаны те хозяйства, которые занимаются именно выращиванием и переработкой.

В последние годы в Брянской области отмечается положительная динамика по увеличению посевных площадей, занимаемых льном. Так, в 2019 году этой культурой было занято 3,1 тыс. гектаров, что в 1,6 раза больше, чем в 2013 году. Несмотря на некоторое падение урожайности (это было связано больше с климатическими условиями, с засухой, которая присутствовала последний год), увеличение посевных площадей позволило производство льноволокна увеличить в 3,6 раза по сравнению с 2013 годом. В 2020 году планируется к обработке в пределах 3,5 тыс. гектаров земель.

Могу сказать, что благодаря государственной поддержке, направленной на создание условий для увеличения производства льняной продукции, повышение эффективности и обеспечение рентабельной деятельности предприятий, по сравнению с прошлым годом в Брянской области более чем на 16 процентов увеличилась посевная площадь льна-долгунца. Это тоже хороший показатель для данной отрасли.

При дальнейшей модернизации отрасли и установке дополнительных перерабатывающих линий в регионе планируется повышение мощности предприятий более чем в два раза. Однако государственное финансирование выращивания льна — это только половина дела, необходимы более масштабные решения, о которых здесь уже было сказано ранее.

Для того чтобы возродить льняной комплекс, нужно серьезно пересмотреть подходы к технологии выращивания и переработке сырья. Главными задачами любого производства являются снижение себестоимости, выстраивание максимальной цепочки вертикальной интеграции и получение максимальной прибыли. Поэтому повышение качества переработки волокна — наиболее очевидный и

доступный способ увеличить рентабельность. Средняя урожайность льноволокна в России варьируется в пределах 10–20 центнеров с гектара. В нашем регионе она максимально достигала до 12 центнеров с гектара. Понятно, что за границей (здесь приводился пример Франции) она доходит до 70 центнеров с гектара.

Дело в том, что лен крайне капризен в части соблюдения технологии его выращивания. Как раз поэтому увеличение засеваемых площадей имеет свой предел эффективности. Без наращивания показателя урожайности нельзя надеяться заработать на производстве льна. Государственные субсидии направлены на помощь производителям льна достигать более высокой урожайности. В то же время урожайность – это не только соблюдение технологий, это еще и высокоурожайные семена, которые необходимо вывести для климата Нечерноземья. Это работа научно-исследовательских институтов, которая должна проводиться в этом направлении. Например, из 28 сортов льна-долгунца, внесенных в государственный реестр селекционных достижений, где регионы делятся по климату, по составу плодородия земель, в Брянской области наиболее урожайными являются такие сорта, как "Василек" и "Томский 17". Выращивание данных сортов позволит увеличить рентабельность переработки, повысить выход волокна.

Огромное значение имеет техника, применяемая в производстве и переработке материала. В Брянской области используется техника российских и белорусских производителей. Целесообразно развивать свое производство льноуборочной техники, а также иного оборудования для переработки собранного сырья.

От предприятий, занимающихся выращиванием льна и не имеющих рядом льноперерабатывающих предприятий, прозвучало предложение открывать или строить новые заводы в тех местах, где

выращивается это сырье, и привлекать соседние хозяйства, для того чтобы они тоже выращивали это сырье, тем самым делая маленький определенный кластер возле перерабатывающего предприятия. Это тоже может быть хорошим стимулом для того, чтобы заинтересовать людей заниматься данной отраслью.

Производство и переработку льна необходимо планировать сразу в масштабе всего Нечерноземья. Первые шаги в этом направлении – это создание межрегионального кластера, о чем уже говорили ранее, организация кооперации между сельхозпредприятиями, производителями льна, и текстильными предприятиями. Вот это в целом даст тот потенциал, который может в последующем дать высокие темпы развития льноводства в Нечерноземье.

Необходимо формировать федеральную сеть интеграционных модульных объектов, включающих в себя не только сельскохозяйственную, технологическую составляющую, но и составляющую социальной инфраструктуры для жителей села. Это будет способствовать возвращению в село квалифицированных кадров, специалистов, созданию многопрофильных высокорентабельных производств. Это говорит о том, что, если мы будем уделять внимание строительству социальной инфраструктуры на селе, соответственно, и кадры в село пойдут и тогда будет развиваться это производство.

Время ограничено, скажу следующее. Приведенные на слайде результаты, конечно, радуют. Они показывают, что имеются хорошие перспективы развития отрасли. Имея деловое мышление, государственную поддержку, внедряя передовые технологии и системы земледелия, есть все возможности создать сильную экономическую основу российского села.

На этом слайде показано, что с 2015 по 2019 год в регионе занимались вводом в оборот брошенных земель. Ни для кого не секрет, что сегодня, когда мы едем по полям, как говорят коллеги, видим, что наши земли заросли. Если в 2015 году на территории региона площадь используемых сельхозугодий была 1 240 тыс. гектаров, а неиспользуемых – 478 тыс. гектаров, прирост составлял 42 тыс. гектаров, то есть земли разрабатывались, то в 2019 году у нас уже площадь используемых земель – 1 400 тыс. гектаров, 318 тыс. гектаров остаются невостребованными, неиспользованными. Прирост каждый год наблюдается. Конкретно в 2019 году он составил 45 тыс. гектаров – это прирост пашни и разработка тех заброшенных земель, которые имеются в регионе. Это хороший показатель, об этом хочется сказать. И в общей сложности за пять лет где-то 200 тыс. гектаров земли мы ввели в оборот в регионе.

Н.В. ФЁДОРОВ

Спасибо, Галина Николаевна, за Ваш доклад, за информацию. Действительно, Брянская область – это один из примеров того, что если губернатор начинает целенаправленно заниматься аграрным сектором, то результаты появляются. Один из таких успешных примеров мы знаем. Хотя проблем там, как и везде, выше крыши. Надо заниматься и дальше. Но есть, нарабатывается опыт, который полезен и для Брянской области, и для тех, кто хочет воспользоваться этим опытом.

Я думаю, что будет логично, если после выступления коллеги-сенатора перед нами выступит депутат Государственной Думы, член Комитет по аграрным вопросам Алексей Владимирович Ситников. Пожалуйста.

А.В. СИТНИКОВ

Уважаемый Николай Васильевич, уважаемые коллеги! Нас, жителей Центрального Нечерноземья, как уже сегодня говорили, объединяют общие проблемные моменты – и старение населения, и миграция жителей из небольших населенных пунктов в районные и областные центры, а затем и в крупные мегаполисы – в первую очередь в Москву, и нежелание молодежи возвращаться на малую родину после учебы, и так далее.

Почему происходят эти процессы? Ответ на поверхности – это и слабая жилищно-коммунальная инфраструктура (в Центральном Нечерноземье только порядка 12 процентов сельского населения обеспечено центральным водопроводом), и плохие дороги, и недостаточное медицинское обеспечение, и медленная газификация: газифицировано сельхозтерриторий от 20 процентов (в Костромской области) до 37 процентов (в Смоленской области) – это лучший показатель. То есть если копнуть глубже, то качество жизни на селе существенно ниже и не соответствует современным представлениям о нормальной жизни. Соответственно, и инвесторы идут туда, где все-таки качество жизни выше.

Решить эти проблемы призвана новая государственная программа "Комплексное развитие сельских территорий" на 2020–2025 годы. В мае 2019 года ее подписал председатель правительства Дмитрий Медведев. Старт намечен на будущий, 2020 год. На поддержку отныне могут рассчитывать не только регионы Нечерноземья. Сама идея этой программы зародилась как раз в ходе встречи нашего президента в Тверской области, и в целом эту программу расширили на всю страну.

Но, несмотря на то что задача, казалось бы, выполнена – такая программа начинает работать, есть нюансы. И это даже не объем заложенного в бюджет на 2020 год уровня финансирования –

в два раза меньше проектного. Отличительной особенностью является сквозное применение проектного подхода до уровня муниципалитетов. Так, федеральные субсидии на реализацию мероприятий ведомственной целевой программы "Современный облик сельских территорий" будут предоставлены регионам, сформировавшим с участием органов местного самоуправления самостоятельные проекты развития сельских территорий.

Казалось бы, правильно: чем лучше проработана заявка села, тем выше шанс получить финансирование. Но если южные, более богатые станицы без труда заложили софинансирование, внебюджетное финансирование не только самих проектов, но и проектно-сметной документации, что дает повышающие баллы при конкурсном отборе, то в условиях острого дефицита региональных бюджетов Центрального Нечерноземья и отсутствия ресурсных предприятий, от которых можно ждать "внебюджетки", нечерноземные деревни этого сделать не смогли. И итог первого конкурса печален: кроме Смоленской области, ни одного региона Центрального Нечерноземья, проекты не отобрались, финансирование на 2020 год – ноль. Нечерноземье проходит мимо этой замечательной, хорошей программы в первый год ее финансирования.

Николай Васильевич, абсолютно с Вами согласен, что для нас очень важно дополнить программу комплексного развития сельских территорий специальными механизмами поддержки регионов Нечерноземья.

Сергей Львович, я понимаю, что это прерогатива Оксаны Николаевны, но тем не менее сегодня Вы представляете Министерство сельского хозяйства и, надеюсь, донесете наши

предложения по дополнению механизмами программы комплексного развития.

Что предлагается? Прежде всего, для регионов Нечерноземья предусмотреть софинансирование из федерального бюджета работ по проектированию объектов капитального строительства для последующего участия в программе комплексного развития сельских территорий. Также определить ежегодную квоту (хотя бы не менее одного) реализации проектов Центрального Нечерноземья в рамках программы либо проведение специального зонального конкурса. Дальше – сохранить повышающие коэффициенты существующих мер государственной поддержки (потому что новая система поддержки с 2020 года исключила их).

Мы все-таки добились, чтобы с 2016 года для регионов Нечерноземья для целого ряда мер поддержки был повышающий коэффициент – 1,2. И регионы Нечерноземья уже фигурировали как регионы в нормативных правовых актах Министерства сельского хозяйства. Но с 2020 года эти повышающие коэффициенты убраны. Их необходимо вернуть и также обеспечить дифференциацию государственной поддержки, о чем уже коллеги очень четко доложили, по развитию промышленных предприятий с акцентом на такие основополагающие отрасли, как молочное животноводство, переработка молока в сыр и масло, ну и, конечно, льноводство.

Предлагаю зафиксировать эти предложения в итоговом документе. Люди живут воспоминаниями тех лет, когда (в 70-е годы) в Нечерноземье начались серьезные сдвиги в сторону улучшения качества жизни (мы видели даже государственные награды за это), когда прекратили смотреть куда-то на целину, а развернулись к себе под бок, где в 100–300 километрах Подмосковья действительно жизнь благодаря этой программе качественно улучшилась. И мы

уверены, что усилиями федеральных властей мы все-таки вернем Нечерноземью тот вид, который был достигнут благодаря той программе 70-х годов. Спасибо.

Н.В. ФЁДОРОВ

Спасибо, Алексей Владимирович. Мы максимально учтем Ваши предложения. Они тоже профессионально ложатся в предмет того проекта документа, который мы сейчас обсуждаем и будем доводить до должной кондиции.

Сейчас я предлагаю послушать Коренькова Евгения Анатольевича, потому что много вопросов, почти во всех выступлениях говорили по поводу промышленности, производства для промышленной сферы, для легкой промышленности. Он как раз представляет департамент легкой промышленности Минпромторга.

Пожалуйста, Евгений Анатольевич.

Е.А. КОРЕНЬКОВ

Николай Васильевич, спасибо большое.

Добрый день, коллеги! Так уж получилось, что и Сергей Львович, и Михаил Алексеевич в хорошем смысле девальвировали мое выступление, поскольку все, что было сказано ими, мы полностью поддерживаем. Это касается и участия российского льна в мировом разделении труда, и тех негативных факторов, которые на сегодняшний день обосновывают сложившуюся ситуацию в целом в льняной отрасли.

Тем не менее есть такие моменты, как государственная поддержка в странах Европы, в Америке, где целевым образом поддерживается льняная отрасль. Собственно, там даже программы есть: в Германии это "Саксонский лен", в Скандинавии (во Франции, в Дании, Швеции) – "Скандинавский лен" и так далее. К примеру, в Соединенных Штатах Америки, поскольку они последние 10 лет

активно этим занимаются, уже сейчас вся армия обеспечена постельным бельем из собственного продукта, собственно изо льна.

Дальше – что касается наших предложений. Как раз к этому небольшая связочка, потому что это очень важно с точки зрения какого-то дополнительно импульса, чтобы мы, как промышленность, давали российским льнопроизводителям какой-то дополнительный импульс, чтобы у них лен не оставался в поле, чтобы было повышение качества льна, повышение номеров, что касается короткого волокна или длинного.

Что касается промышленности, все-таки надо отметить, что анализ цепочки создания стоимости в льняном секторе показывает, что основная добавленная стоимость через налоговые поступления и так далее формируется на этапе производства текстильных изделий. И здесь, к сожалению, без качественного льняного сырья невозможно добиться качественного, конкурентоспособного продукта.

Что мы видим? Мы видим, что все-таки, здесь надо отметить, решение проблемы сырьевого обеспечения предприятий легкой промышленности путем технологического процесса, индустриализации процесса на всех стадиях – от возделывания льна до его глубокой переработки в инновационные продукты или продвижения на внешние рынки – возможно только в рамках кооперации сельхозпроизводителей и предприятий легкой промышленности. Здесь я хотел бы отдельно отметить, что мы с Минсельхозом на протяжении последних трех лет очень качественно синхронизируем свои действия. И мы, в том числе ответственный заместитель министра в Минсельхозе, который ведет это направление, и наш курирующий заместитель министра Виктор

Леонидович Евтухов, настолько плотно общаемся последние три года, как, наверное, не общались никогда.

Какие дивиденды мы сегодня отсюда можем получить? Мы совместно с Минсельхозом и предприятиями легкой промышленности – потребителями льноволокна провели анализ показателей по ежегодным объемам производства и потребления льноволокна до 2025 года.

Те цифры, которые коллеги здесь озвучивали, – это цифры, согласованные с нами. То есть рост потребления и востребованности нашими предприятиями – переработчиками короткого и длинного волокна в ближайшей, среднесрочной перспективе должен в достаточной степени покрыть нашу потребность. А сельхозпроизводители уже готовы к 2025 году (это у нас зафиксировано в совместных документах) обеспечить нам должного качества данное сырье.

Теперь немного о мерах поддержки. Стоит признать, что существенная их часть – как от Минсельхоза, так и от Минпромторга – востребована, и без них еще неизвестно, что бы было на самом деле, как бы обстояли дела в отрасли. Сегодня действующие меры поддержки, которые осуществляет Минпромторг, направлены в основном на поддержание и увеличение объемов производства и реализации высококачественной текстильной и швейной продукции именно изо льна, которая пользуется спросом, как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

В этом смысле мы смогли выпустить постановление Правительства Российской Федерации № 191, которое помогает реализовать те меры, которые заложены, и те задачи, которые стоят перед нами в национальном проекте "Международная кооперация и экспорт". Они действуют. Есть мера поддержки – это пятилетние

займы Фонда развития промышленности, — которая помогает нашей отрасли, и не только льняной отрасли, тем, кто занимается льном, а вообще легкой промышленности, и это действительно очень действенная мера.

Но вот здесь я бы хотел отдельно остановиться и поддержать то, о чем в самом начале своего выступления сказал Виктор Петрович, — мы зависим от импортного сырья. В данном случае надо признать, что легкая промышленность — на сегодняшний день это практически импортозависимая отрасль, одна из тех отраслей, которые, к сожалению, не экспортно ориентированные. И те меры государственной поддержки, которые сейчас существуют в Узбекистане, с точки зрения ограничения поступления сюда хлопка, показывают следующую ситуацию.

Предлагая нам на рынок уже готовую хлопчатобумажную пряжу... В сравнении со стоимостью хлопка (смешно) разница — в 10–15 процентов. К чему это приводит? К тому, что... Прежде всего, это политика нашего соседнего государства, которое субсидирует производство пряжи, а в дальнейшем будет субсидировать и производство текстильных изделий. Ситуация простая. Нам сейчас производить пряжу на территории Российской Федерации в любой зоне — Черноземной, Нечерноземной — просто невыгодно. Она в любом случае будет дороже процентов на 15–20, а то и на 30, чем та пряжа, субсидированная, которую сюда поставляет Узбекистан.

Что касается наших предложений (мы бы хотели, чтобы вы нас в этом поддержали и в итоговом документе это было отражено).

Поскольку это забота об импортозамещении, защите нашего рынка и связано с выполнением поручений президента, которые отражены в поручении № Пр-79 (снабжение все-таки нашим качественным, длинным сырьем отечественных предприятий и

поддержка в том числе через этот механизм сельского хозяйства), в правительстве на рассмотрении находится подготовленный нами совместно с Минсельхозом проект комплексной программы по поддержке производства изделий из льна. Это пункт 4 протокола заседания Правительственной комиссии по импортозамещению от апреля этого года, который предусматривает мероприятия, направленные на поддержку выращивания качественного льноволокна и производства изделий из льна, а также на стимулирование технического перевооружения и модернизации всего льняного комплекса.

О чем здесь речь идет? В двух словах. Мы говорим о том, что уже освоенный механизм котонизации короткого льноволокна позволяет сделать продукт, сырье, по своим потребительским качествам похожее на хлопок. Так если, допустим, в 1 килограмм пряжи замешать 30 процентов котонизированного льна, то по своим свойствам она будет похожа на 100-процентный хлопок, но разница в себестоимости получается 25–30 процентов. Условно говоря, в рублях на 1 килограмм это 15–20 рублей.

Мы посчитали, посмотрели, сколько же прядильных предприятий на территории Российской Федерации может на сегодняшний день в среднесрочной перспективе (да и в долгосрочной) обеспечить качественный выпуск такой пряжи. Мы посчитали, что ежегодно нам на это нужны определенные средства с небольшим приростом на протяжении пяти лет, и просим правительство найти эти средства и поддержать...

Еще буквально 1,5 минуты. Это очень важно. Я прошу прощения.

Н.В. ФЁДОРОВ

И завершайте.

Минуту добавьте.

Е.А. КОРЕНЬКОВ

Спасибо большое.

И так же, как развитие прядильного производства, это текстильное производство. Также смесовая ткань с подмесом до 25 процентов уже готового льна и хлопка. Прежде всего, мы идем по пути импортозамещения, замещаем 25–30 процентов того хлопка, который могли бы купить, на тот лен, который мы здесь выращиваем и перерабатываем. Это увеличение дополнительных рабочих мест, поступлений в бюджет и так далее, то есть отсюда все бонусы и, так сказать, хорошие плюшки. Мы понимаем, что все это положительные вещи. Причем для бюджета это совершенно незначительная сумма – порядка 300–400 миллионов в год, мы уже посчитали. И проект этой программы находится на рассмотрении в правительстве.

И, касаясь армии, примера Соединенных Штатов, где они уже спят на льняном постельном белье, мы предлагаем рассмотреть возможность и внести необходимые изменения в документы, которые регламентируют закупку Минобороны, например, постельного белья. Мы знаем, сейчас все солдаты спят на белье из 100-процентного хлопка, самое дешевое, самое недорогое белье – из бязи. Мы, как текстильщики, с учетом доли в этих текстильных изделиях льна до 35 процентов можем обеспечить уже сейчас, в течение первого года, процентов 10 той потребности в постельном белье, которая есть у Минобороны, тем самым заместив хлопок и сделав, мне кажется, очень большое дело с точки зрения поддержки (такой синергии) сельского хозяйства и текстильной отрасли промышленности. Доклад окончен. Спасибо большое.

Н.В. ФЁДОРОВ

Спасибо большое, Евгений Анатольевич. Присаживайтесь, пожалуйста.

Минпромторг прилагает немало усилий для защиты отечественного производителя — и промышленности, и всех отраслей, которые связаны с промышленностью. Я думаю, что мы максимально поддержим усилия Минпромторга в этой сфере и в нашем документе.

Не всем иногда нравятся, и порой, Михаил Алексеевич, Минэкономразвития не всегда нравятся, эти лоббистские усилия отраслевых министерств, но вы для этого и существуете. Но мы путем дискуссий и аргументов будем добиваться компромисса, понимания друг друга. Во всем, конечно, меру надо знать. Но наши интересы, интересы нашего государства, геополитические условия требуют это ставить всегда во главу угла.

Спасибо, Евгений Анатольевич, еще раз. Успехов нам в совместной работе. Министру Мантурову привет от нас. Я с ним беседовал недавно как раз на эту тему. Он, кстати, готов активно поддержать нас в наших усилиях, в преодолении сопротивления Минэкономразвития по ряду позиций.

Коллеги, через 15 минут нам нужно завершать. Поэтому я бы просил — до трех минут максимум. Ладно? После трех минут уже не будем продлевать время ни в коем случае, чтобы побольше людей успели выступить.

Сейчас я предоставляю слово Кирюшину Валерию Ивановичу, академику Российской академии наук, главному научному сотруднику Почвенного института имени Докучаева.

Пожалуйста. До трех минут.

В.И. КИРЮШИН

Уважаемые коллеги! Исходная позиция проблем — это низкая урожайность льна и низкое качество. Вот отсюда, собственно говоря, и надо действовать.

Лен уязвим. Любое нарушение технологии — это полегание, это ломкость и так далее, целый ряд проблем возникает. Это проблемы технологии. И еще очень важно: лен занимает всего лишь 15 процентов в структуре посевных площадей. Значит, все другие культуры, которые с ним выращиваются, должны способствовать решению проблем соответствующим образом и должны способствовать урожайности льна.

Для этого нужны системы земледелия. Такие системы были разработаны и в Тимирязевской академии, и мной — в первую очередь для Нечерноземной зоны. Кстати сказать, в то время, в 2005 году, Сергей Герасимович организовывал эту работу, и довели ее до прямых поручений президента Путина по технологической модернизации земледелия в Нечерноземной зоне. К сожалению, потом обстоятельства изменились, сменился президент и так далее.

Но проблема развивалась, и развивалась она южнее — в Черноземной зоне. И, в частности, сложился замечательный опыт в Белгородской области, где были реализованы адаптивно-ландшафтные системы земледелия. Эти системы учитывают разнообразие природных условий, наборы технологий от экстенсивных к нормальным, интенсивным, высоким и так далее. Это комплекты технологий, пакеты. Это все позволило этой области на 15 центнеров поднять урожайность за последние годы и выйти почти на 5 тонн. И это, конечно, заслуга губернатора, который все это организовал. Он пригласил ученых, организовал всю работу, превратили станцию химизации в институт проектно-технологический и получили эти результаты. Вот мы сейчас подвели

итоги этого опыта, который сложился в Белгородской области, и можно его брать за основу.

Теперь что нужно конкретно сейчас, какие предложения? Необходимо проектировать системы земледелия в районах льносеяния для хозяйств, которые этим занимаются. В проекте определяются и подбор почв, и технологии, и вся дифференциация возделывания культур — и льна, и всех других, и соответственно система удобрений, защита растений, что чрезвычайно важно для льна, это прецизионная культура. Эту работу могут выполнять все станции химизации, которые расположены в этих районах. Мы можем снабдить их соответствующей документацией по проектированию, которая уже широко апробирована, и помочь организовать эту работу.

И следующий момент — нужна система базовых хозяйств. Мы же утратили опытные хозяйства и учебные хозяйства (и, кстати, какая-то странная тишина образовалась). Это преступление! Утеряны опытные базовые и учебные хозяйства страны. Представьте себе — утратили бы клиники медицинских вузов. Какая-то странная ситуация, ведь ничего же не предложено взамен. Нужны базовые хозяйства, на которых можно осваивать эти проекты и эти системы. Это смежная задача.

Н.В. ФЁДОРОВ

Валерий Иванович, завершайте.

В.И. КИРЮШИН

Спасибо.

Н.В. ФЁДОРОВ

Спасибо, Валерий Иванович.

Тема актуальная, и она должна учитываться, конечно, в наших усилиях по защите и развитию отрасли.

Давайте послушаем еще одного записавшегося – представителя большой науки, директора Федерального научного центра лубяных культур Романа Анатольевича Ростовцева.

До трех минут, без повторов и предложения, если мы что-то упускаем. Пожалуйста.

Р.А. РОСТОВЦЕВ

Мы, конечно, поддерживаем выступления предыдущих ораторов, особенно Митина Сергея Герасимовича, Виктора Петровича. Очень отраднo, что мы понимаем, что делать, куда двигаться. Другой вопрос – какими методами.

Во-первых, нам нужно привлекать в эту отрасль инвесторов. Каким образом? И почему они сюда не идут? С одной стороны, вроде даже уже льноволокно на сегодняшний день можно считать готовым продуктом, конечным. Цены на него достаточно высоки на сегодняшний день. Короткое волокно – это порядка 60 тыс. рублей за тонну, длинное – более 200, в зависимости, конечно, от номера (это по средним номерам). Причем забирают с места, оно идет в основном на экспорт. Инвесторы не идут по двум основным причинам (на самом деле их гораздо больше). Первая – это высокий порог для входа на рынок, то есть необходимы большие инвестиционные затраты. Один из примеров – "Русский лен" (директор здесь присутствует). Инвестор – "Промагро", они туда вкладывают, если я не ошибаюсь, более 2 млрд рублей.

Вторая причина. На сегодняшний день все действующие программы – льготное кредитование, лизинг и так далее – рассчитаны, как правило, на пять-шесть лет. Этого недостаточно для льноводства, здесь должны быть свои ставки субсидий, свои лизинговые условия, так как они должны быть рассчитаны на 10 лет, а лучше на 15, что касается льноводства. И необходимо

заинтересовывать крупных инвесторов – агрохолдинги, что и произошло относительно "Русского льна" ("Промагро"). Это что касается экономики.

По поводу объединения науки... Здесь сейчас хороший пример – то, что Минсельхоз тесно работает с Минобрнауки, и это выражается в совместной подготовке подпрограмм в рамках федеральной научно-технической программы развития. И здесь нужно отметить один момент. На сегодняшний день традиционная селекция все-таки уходит на второй план. На первом плане сейчас стоят методы молекулярно-генетической, клеточной селекции. Здесь у нас наблюдается некоторое отставание от западноевропейских стран. И это сугубо научная область. Но на сегодняшний день, надо сказать, финансирование по этому направлению идет достаточно объемное, полное. Мы получили молекулярно-генетические лаборатории мирового уровня, в том числе и в нашем центре такая лаборатория с этого года работает. Этот момент тоже нужно учитывать.

Что касается сортов... Много говорилось об урожайности зарубежных, отечественных сортов (лучше, хуже). Я вам скажу, что отечественные сорта по урожайности не уступают западноевропейским как минимум, а где-то она и выше. Все дело здесь – в технологиях, в выполнении требований вот этих техкарт и так далее.

Есть примеры предприятий. Например, в Тульской области у предприятия "Родниковое поле" урожайность семян – 12 центнеров с гектара. Это высокая урожайность. У предприятия "Русский лен" урожайность льна отечественной селекции сопоставима с западноевропейскими. И в то же время предприятия, которые

работают с зарубежными сортами здесь у нас, в России, имеют такую же урожайность, как у зарубежных сортов.

Ну и что касается техники, я могу представить то, что мы готовы прямо сейчас уже продавать. Даже имеется прайс на эту технику.

Н.В. ФЁДОРОВ

Спасибо. Вы всем участникам раздали?

Р.А. РОСТОВЦЕВ

Я вам оставляю здесь. Будут заказы – пожалуйста, можем договор подписать хоть сейчас.

Н.В. ФЁДОРОВ

Спасибо. Надо продвигать, конечно, свою продукцию. Правильно.

Коллеги, по крайней мере двое наших коллег-соратников не могут не выступить, потому что они приехали из регионов России. Я должен им предоставить слово. И надо нам завершать.

Абрамова Ольга Викторовна, министр сельского хозяйства Удмуртской Республики.

До трех минут, пожалуйста. Самое главное скажите, без чего Вам нельзя возвращаться в Удмуртию.

О.В. АБРАМОВА

Хорошо.

Я благодарю за возможность представить наш регион в этом направлении. Мы действительно сегодня являемся четвертым регионом по посевным площадям, которые засеваем в масштабах Российской Федерации. При этом мы засеваем критично малые площади – 4 тыс. гектаров. Мне кажется, это очень низкий уровень.

Я поделюсь нашим опытом. Мы, конечно, поддерживаем все эти масштабные начинания, необходимость изменения вообще

структуры льняного дела в Российской Федерации. Но я расскажу, что мы сделали в 2019 году.

На самом деле в 2019 году у нас получилось создать льняной кооператив, в состав которого вошли крестьянские (фермерские) хозяйства, что позволило нам создать нужную структуру севооборота и планировать севооборот уже и на будущий год. В рамках данного кооператива мы закупили линии котонизации, которые нам позволят уже в декабре осуществить пробный выпуск котонизированного льноволокна.

И здесь я хотела бы обратить внимание на то, что, наверное, имеет смысл концентрироваться на выращивании не только длинного льноволокна, но в том числе и короткого, поскольку короткое льноволокно сегодня – не менее ценный продукт, который позволяет работать и с порохами, и с неткаными материалами, то есть со всем тем, что востребовано.

Исходя из сегодняшних докладов... На самом деле у нас нет проблемы продать лен, льноволокно. У нас нет совершенно никакой проблемы, которую порой озвучивают, что лен не востребован, поскольку даже исходя из потребности, которую сейчас озвучил представитель Минпромторга, нам нужно засеять 500 тыс. гектаров льна по всей Российской Федерации, при том что мы засеваем порядка 44 тыс. гектаров.

На самом деле мы думаем, что наша проблема сегодня в льняной отрасли заключается в двух моментах.

Первый момент – конечно, это все-таки классическое хозяйствование и классические технологии, которые используются в льняной отрасли, и низкая платежеспособность предприятий, связанная в том числе с сезонностью их работы. Поэтому мы предлагаем следующее (по пунктам).

К вопросу о селекции. Обязательно, на наш взгляд, необходимо все-таки усилить работу в этом направлении, в том числе в отношении выращивания сортов, которые ориентированы на короткое льноволокно. И, нам кажется, уместно рассмотреть эту возможность в рамках действующей федеральной программы по научно-техническому развитию. Она сегодня есть у нас, в Российской Федерации, и наверняка имеет смысл предусмотреть там это направление.

Следующий момент — это финансирование научно-исследовательских институтов и вообще государственный заказ на разработку, апробацию и, собственно говоря, коммерциализацию технологий по дальнейшему использованию льноволокна и продукции его переработки. Мы столкнулись с проблемой, например, использования в промышленности котонизированного льноволокна. Мы понимаем, что сегодня технологии законченной нет и это не позволяет коммерциализировать это направление.

Еще буквально одна минута. Про субсидии говорилось очень много. Действительно, государственная поддержка оказывается, но на сегодняшний день государственная поддержка, которая оказывается на тонну льноволокна, оказывается сельхозорганизациям. Мы совершенно забываем про льнозаводы, которые генерируют на самом деле выручку, обеспечивают нам добавленную стоимость. Поэтому в данном случае мы считаем необходимым предусмотреть господдержку не столько сельхозорганизациям, сколько льнозаводам, которые обеспечивают переработку льна.

Ну и относительно программы лизинга. Учитывая то, что сегодняшние программы, в том числе и "Росагролизинга", позволяют получать технику на достаточно комфортных условиях, при этом

льноперерабатывающие и льносеющие предприятия не получают эту технику, мы думаем, имеет смысл рассмотреть особые условия предоставления техники в лизинг с учетом фактора сезонности, в том числе на более длительный срок.

У меня всё. Я очень старалась коротко...

Н.В. ФЁДОРОВ

Хорошо. Спасибо. Видно, что Вы старались сегодня и всегда стараетесь. Я Вас не первый раз слушаю. Спасибо Вам за Вашу работу, за Ваши усилия по повышению продовольственной безопасности (и не только продовольственной безопасности) страны. Мы постараемся учесть по максимуму Ваши предложения, хотя, по большому счету, поскольку мы завершаем, многие темы... они не мелкие, они существенные, но на фоне предложений Виктора Петровича Иванова... Конечно, предложения Виктора Петровича и Сергея Герасимовича такие глобальные, они поглощают очень многие детали, на которые вы обращаете внимание, но, как известно, в деталях дьявол кроется, их нельзя упускать, занимаясь и глобальными вопросами.

Надо завершать (я вынужден это сказать, просто по-другому не могу). Давайте послушаем председателя Комитета Ярославской областной Думы по аграрной политике Боровицкого Михаила Васильевича. И я потом несколько слов скажу, чтобы успокоить тех, кто не успел выступить.

М.В. БОРОВИЦКИЙ

Спасибо, Николай Васильевич, за предоставленное слово.

Уважаемые коллеги! Сама по себе ситуация парадоксальная. Вот смотрите – предыдущий оратор Ольга Викторовна сказала относительно спроса: сколько есть льноволокна, столько и уходит. На сегодняшний день цена на льноволокно (еще несколько лет назад

льнянщики мечтали хотя бы о половинной цене) просто космически высока, и при этом у нас нет изменений в лучшую сторону с точки зрения производства льноволокна.

Гектары в большей степени, уж если честно говорить, держатся на системе поддержки, которая сформирована и запущена Министерством сельского хозяйства, — субсидирования посеянного гектара. Если говорить о льноволокне, то картина ведь гораздо печальнее. А если говорить о длинном волокне, во что в свое время десятки, сотни поколений труды вложили, чтобы сформировать эту уникальную культуру, то там следы этой продукции по Российской Федерации остались.

Отчего это происходит? Мне кажется, чтобы говорить о будущем, надо разобраться, в чем причина этого дела. Посмотрите, какая у нас картина. Если взять расчетную цену, какую долю составляют разные подотрасли всего этого комплекса, то производство льнотресты составляет всего 5 процентов от конечной стоимости, первичная переработка — еще максимум 6 процентов (11 процентов). Где-то приблизительно в районе 20–25 процентов — льнокомбинаты, где-то приблизительно 25 процентов — это ткачка, и 25 процентов — торговля.

И смотрите, что у нас происходит. Первая часть — производство, выращивание тресты и первичная переработка, которая никогда не может быть по своей сути прибыльной (она не генерируется в прибыль, там только одни затраты), она производится в Российской Федерации, и все остальное (я говорю о длинном волокне, потому что короткое льноволокно и лен-долгунец — это вообще-то нонсенс, не надо вообще их рядом ставить, тогда и не надо было культуру выводить) уходит за пределы, как правило, Российской Федерации. Там супердоходы получают, и затем это

возвращается в том числе в Россию. В качестве плательщика Россия выступает. Смысла в этой работе нет. И не надо на это бюджетные средства тратить при такой схеме. Они ничего не дают, и труд бессмыслен.

Поэтому, если мы говорим о развитии комплекса, без создания супервысокотехнологичных предприятий по переработке льноволокна, причем не изделий из пакли и котонизированного льноволокна (я очень уважаю ученых, которые этим занимаются), а настоящего... Мы увидели продукцию, к которой всегда шли, — вот она здесь востребована, на мировом рынке, и там мы конкурентоспособны на будущее. В этой части в первую очередь нужно решить.

Далее. На сегодняшний день это становится вопросом обороноспособности. Что касается хлопка, Узбекистан планировал к 2018 году самостоятельно перерабатывать треть его (они немножко опоздали — с 2020 года начинают), три четверти Китай закупил навсегда, и мы, и даже наши последующие поколения его не увидят в обозримом будущем. А это пороха, это обороноспособность страны. Это и высокотехнологичные предприятия по котонизации, для того чтобы комплексно, 100-процентно можно было переработать. Будет своя переработка — с этим товаром мы займем позиции сначала на своем рынке, а потом на международном в этом сегменте. Будет востребован лен — он будет выращиваться, и никаких проблем с этим не возникнет. Это первая проблема.

Вторая проблема. Извините меня, мы топчемся в урожайности... Сейчас говорили, что причина в урожайности. Да не в урожайности причина, а причина в нашей организации. Сегодня наибольший объем льна кто выращивает? Льнозаводы, которые лен выдернули из севооборота и превратили в монокультуру. Сегодня

где-то посеял, завтра где-то посеял... До тех пор пока мы не вернем лен в севооборот, урожайности, качества длинного волокна не будет никогда. А это напрямую связано... Если в Нечерноземье появятся нормальные хозяйства, которые в рамках севооборота будут производить лен, мы будем иметь, как и раньше, более чем качественный лен. Две территории, которые могут производить подобный по своему качеству лен-долгунец, — это Ближний Восток и Россия, ее северо-запад и часть центральной части. Всё.

Поэтому вот по этому пути нужно идти. Вернем лен, разовьем деревню — значит, мы получим новых Локаловых и новые результаты.

Н.В. ФЁДОРОВ

Спасибо большое, Михаил Васильевич. Эта тема звучала. Я думаю, что мы разделяем, и академик Кирюшин, по сути, говорил о фундаментальной значимости, основе именно этого вопроса, для того чтобы дальше заниматься льном.

Я не могу не предоставить слово Петру Александровичу Чекмарёву. Вы его все знаете как директора департамента растениеводства Минсельхоза. Сегодня он представляет Торгово-промышленную палату Российской Федерации, является председателем комитета по развитию агропромышленного комплекса. Для нас Торгово-промышленная палата как партнер очень важна.

Пожалуйста. Буквально одна минута.

П.А. ЧЕКМАРЁВ

Спасибо, уважаемый Николай Васильевич. Я очень коротко.

Вот лен... Конечно, я поддерживаю то, что было сказано, — Россия обречена заниматься льном, Россия обречена в мире занять первое место с самым лучшим льном, с самой лучшей продукцией. Но те, кто сегодня выступал, — представители нескольких

министерств (можно было сегодня дать трибуну представителям еще двух-трех министерств) — очень красиво говорили, что все хорошо. Каждый сегодня говорит, что на маленьком отрезке, да, выполняет свои задачи. Но, Николай Васильевич, к сожалению, нет главного штаба, который координировал бы всю эту работу — всех министерств, ведомств и так далее. Поэтому у меня какое предложение? Объединить весь штаб по координацию в части производства льна, его переработки, реализации на внутреннем рынке и экспорта на внешний рынок в Министерстве экономического развития, чтобы не все убеждали Министерство экономического развития, а Министерство экономического развития со всех потребовало программы развития по отдельным отраслям, обобщило их и дало столько денег, сколько нужно для развития льноводства в Российской Федерации. И, соответственно, все это включить в постановление Совета Федерации по развитию Нечерноземной зоны, по развитию льноводства. Спасибо.

Н.В. ФЁДОРОВ

Спасибо, Петр Александрович.

Михаил Алексеевич, вот предложение академика.

М.А. РАССТРИГИН

Поддерживается.

Н.В. ФЁДОРОВ

Давайте отразим это в нашем решении. Надо попробовать. Такой ответственный и координирующий орган, конечно, необходим. Это будет ложиться в работу и рабочей группы Совета Федерации, может быть, и Государственной Думы.

Алексей Владимирович, если не возражаете, нужно создать такую совместную рабочую группу, чтобы мы работали в одной упряжке, как-то синхронно — и правительство вместе с

Минэкономразвития, Минсельхозом, и Госдума с Советом Федерации.

Алексей Петрович, я прошу эту тему тоже отразить.

Коллеги, спасибо огромное за ваши выступления. Благодарю вас всех.

И, завершая, я хотел бы попросить вас до 4 декабря, до среды, свои дополнения, предложения, замечания к проекту наших рекомендаций представить в комитет по аграрно-продовольственной политике, Алексею Петровичу Майорову. В любой форме (кому в какой удобно) – в электронной, письменной, но только не по телефону сообщать, что вы хотели бы поправить, скорректировать в проекте рекомендаций.

И еще. Я думаю, мы пришли к выводу, и согласились все, что нужно в проекте рекомендаций отдельным пунктом зафиксировать (об этом упоминали и Виктор Петрович Иванов, и другие) необходимость принятия специального постановления Совета Федерации. Рекомендации парламентских слушаний – это важный документ, но если мы поднимем это до уровня специального постановления Совета Федерации... Пусть подготовит нам его профильный комитет с учетом наших парламентских слушаний, и мы представим Валентине Ивановне Матвиенко, Председателю Совета Федерации, и потом обсудим, доложим на пленарном заседании Совета Федерации, с тем чтобы взять на контроль все те вещи, договоренности, которые мы сегодня констатировали, и обязательства Минэкономразвития, Минсельхоза, и отраслевого союза, Госдумы, Совета Федерации, науки и так далее.

Согласны? Тогда мы так и сделаем. По крайней мере у нас уже два инструмента будет для того, чтобы мы не просто

проговорили, а отслеживали, кто и как исполняет обязательства, взятые на себя в ходе нашего сегодняшнего разговора.

Договорились? Всё, до 4 декабря мы работаем в дистанционном режиме. Потом доложим Валентине Ивановне и решим, как дальше будем собираться и действовать для успеха льноводства в России.

Спасибо всем. С наступающим Новым годом!
